

онной взаимосвязи контролирующего и подконтрольного объектов, можно говорить о внутреннем (внутриведомственном) и внешнем (подведомственном) контроле.

Контроль и надзор имеют как сходные черты, так и существенные отличия, делающие эти два понятия достаточно разнородными явлениями. С точки зрения объема обследуемой деятельности управляемых объектов, в рамках контроля деятельность проверяется шире, так как выявляется ее соответствие не только закону, но и указаниям вышестоящих органов, данным ранее. Кроме этого, анализируются практические результаты хозяйственной деятельности с точки зрения целесообразности. В рамках же надзора деятельность проверяется только на соответствие закону. Целесообразность и рациональность не входят в предмет надзорной деятельности.

По полномочиям и силе последствий в части принимаемых мер органами контроля и надзора по результатам проверки надзор выделяется в отдельную процедуру деятельности по обеспечению законности. Органы надзора вправе применять различные меры принуждения, в том числе и уголовного. Органы прокуратуры, к примеру, вправе ограничиться мерами предупреждения нарушения, вправе привлечь виновных к уголовной ответственности, обращаться в судебные органы непосредственно для восстановления нарушенных права юридических и физических лиц, опротестовывать постановления органов исполнительной власти.

Таким образом, в целях обеспечения законности и дисциплины в государственном управлении создан и действует особый государственно-правовой механизм, состоящий из двух основных элементов: организационных структур управления; организационно-правовых методов.

В организационные структуры управления включается значительное число различных государственных органов, деятельность которых в разной степени связана с обеспечением законности и дисциплины.

Применяемые государственными органами различные организационно-правовые методы, практические приемы, операции, формы работы обобщенно называются способами обеспечения законности. Важнейшими способами обеспечения законности в сфере государственного управления являются контроль и надзор. Особую роль играет прокурорский надзор.

А.В. Гречихин

БГЭУ (Минск)

ГЕНЕЗИС ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Институт хранения на территории Беларуси имеет глубокие исторические корни и является традиционным для гражданского права.

Обязательство хранения (*depositum*), возникающее из действий собственника или владельца вещи по передаче ее на хранение другому лицу, известно еще с древних времен. Данное обязательство регулировалось нормами обычного права, где рассматривалось как дружеская услуга, следовательно, договор хранения не носил возмездного характера, всегда заключался в устной форме и являлся реальным.

Дальнейшее развитие договор хранения получил в Статуте Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1588 г., где именовался поклажей. Хранение (поклажа) в статутном законе выступает в качестве имущественного договора, требующего соответственного оформления и возлагающего на хранителя обязанность нести ответственность за доверенное ему имущество. Этот договор имел широкое распространение на территории ВКЛ и по своей правовой природе являлся реальным, т.е. обязательство возникало в момент передачи вещи на хранение конкретному лицу. В Законе практически ничего не говорилось про существенные условия договора хранения (возможно потому, что все это было хорошо знакомо на практике), а заострялось внимание только на сроках хранения имущества в случае наложения на него ареста. Основное требование законодателя сводилось к надлежащему хранению имущества и возврату вещей в том виде, в котором они были отданы на хранение.

В случае причинения вреда этим вещам или их утраты возникали обязательства из причинения вреда, которые конкретно регламентировались законом и защищались прямым иском. Хранитель не нес ответственности при случайной гибели вещей, отданных на хранение (стихийные бедствия, грабеж и т.д.), отсюда следует, что риск случайной гибели имущества нес его собственник. Законодатель при этом определял, что вещи собственника, которые были украдены или сгорели в огне вместе с вещами хранителя, подпадают под условия случайной потери. В этом случае хранитель обязан был только принести присягу о том, что эти вещи «не скорыстил и ку пожитку своему ничего не обернул». В случае же исчезновения или повреждения только вещей поклажедателя, в то время как вещи хранителя остались неповрежденными или нетронутыми, последний обязан был вернуть вещи поклажедателя или заплатить ему за них. Риск случайной гибели имущества лежал на хранителе, согласно Статуту ВКЛ 1588 г., только в том случае, когда вещи поклажедателя хранились под замком отдельно от вещей хранителя, а последний трогал их либо перенес в другое место (разд. 7, ст. 30).

В гражданском законодательстве советского периода договор хранения как самостоятельный вид договора был закреплен только в Гражданском кодексе БССР 1964 г., где ему была посвящена гл. 38, насчитывающая всего 11 статей. Это объясняется тем, что до 1964 г. обязанность хранить имущество и отвечать за его сохранность предусматривалась как дополнительная к основным обязательствам стороны в договоре (продавца, поставщика, подрядчика, комиссионера и т.д.). Отдельные нормативные правовые акты, посвященные этому договору, регулировали только деятельность специализированных организаций, осу-

ществляющих хранение в качестве своей профессиональной функции (городских коммунальных ломбардов, камер хранения транспортных предприятий и т.д.). Поэтому основные положения договора хранения вырабатывались судебной практикой и, в частности, практикой бывшего Верховного суда СССР, конкретизировавшей применительно к нему общие положения обязательственного права и обязательств, возникающих из договоров.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь договору хранения посвящена гл. 47, включающая 41 статью. Такое положение объясняется не только расширением сферы применения договоров хранения, появлением новых видов хранения, но и усложнением правил их регулирования, необходимостью более четкого определения основных элементов указанного договора, статуса сторон, их ответственности. Правомерность такого подхода особенно очевидна в связи с появлением профессионального хранения, осуществляемого хранителем, для которого хранение является видом предпринимательской деятельности.

В.М. Грыняк
БДЭУ (Мінск)

АБАРОНА ПРАВОЎ СПАЖЫЎЦОЎ: ГЕНЕЗІС І СУЧАСНАСЦЬ

Гістарычным чыннікам актывізацыі руху спажывцоў з'яўляецца рэакцыя на пэўную няроўнасць у становішчы спажывца і яго контрагента, які звычайна валодае буйнымі фінансавымі сродкамі, магчымасцю ажыццяўляць кантроль за неабходнай інфармацыяй і рэкламай; спажывец жа знаходзіцца ў паслабленай эканамічнай пазіцыі: каб забяспечыць свае патрэбы, ён вымушаны набываць тавары і карыстацца паслугамі; яму заўсёды бракуе інфармацыі аб свеце тавараў і паслуг, які інтэнсіўна змяняецца. Такім чынам, узнікла патрэба ў аб'яднанні намаганняў спажывцоў з мэтай абароны сваіх правоў і інтарэсаў. Як вынік — з'яўленне адпаведных грамадскіх арганізацый спачатку ў межах асобных краін, пазней — у міжнародных маштабах. Рэакцыя дзяржавы — прыманне адмысловых нарматыўных прававых актаў.

Беларускі рух, скіраваны на абарону правоў спажывцоў, прайшоў тры этапы: 1) фарміраванне (з сярэдзіны 80-х гг.); 2) падпісанне Беларуссю Рэзалюцыі Генеральнай Асамблеі ААН «Грунтоўныя прынцыпы для абароны інтарэсаў спажывцоў» і ўтварэнне адмысловых грамадскіх арганізацый; 3) сучасны (адзначаны дзейнасцю пералічаных вышэй грамадскіх арганізацый, стварэннем адмысловых нарматыўных прававых актаў). У выніку ў нашай дзяржаве сфарміравалася сучасная сістэма абароны правоў спажывцоў, што ўключае ў сябе дзяржаўную і грамадскую абарону.